

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 12-го Мая 1913 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 11404.

СОНИООР.

Петръ Михайловичъ Куденцовъ ясно видитъ, что къ нему подошелъ старшій бухгалтеръ.

Большое плоское лицо, которое благодаря лысинѣ дѣлается еще больше, —бухгалтеръ становится п хожъ на какого то неѣпаго китайскаго бога въ два яруса.

На плоскомъ лицѣ удивительно равнодушные глаза Пустые глаза. Пустые, какъ квартира послѣ покойника.

Такъ старшій бухгалтеръ смотритъ на людей, на книги; такими же пустыми глазами онъ смотритъ на отдушины печки, на женщинъ на улицѣ, на бѣлую мохнатую собаченку, забѣгающую иногда въ конгору.

И вотъ этотъ двухъярусный китайскій божокъ говоритъ:

— Петръ Михайловичъ, что съ вами? Это математика вверхъ ногами!

Бухгалтеръ показываетъ книгу:

— Здѣсь 20 567, ниже 87429, а посмотрите итогъ!

Петръ Михайловичъ начинаетъ слабо понимать, что испортилъ всю графу. Но странно, остается спокойнымъ, вѣлямъ; совсѣмъ не страшать его пустые глаза. Говорить тихо, но почти рѣзко:

— У меня лихорадка. Я пересилилъ себя. Лихорадка.

Бухгалтеръ что-то замѣтилъ, повернулся. Теперь видна только лысина, —нѣть глазъ.

Петръ Михайловичъ одѣлся и пошелъ домой.

Пестрый человѣкъ съ черной фиономией предлагаетъ ему газету.

— Нѣть, нѣть не нужно.

Почти рядомъ прозвенѣлъ трамвай.

— Нуженъ номеръ четвертый, четвертый, —твѣрдить Куденцовъ.

Но на встрѣчу летятъ 13-й, 7-й, 5-й. Номеръ четвертый пропалъ. Его больше не существуетъ. Напрасно ждать.

Куденцовъ быстро идетъ. Винный магазинъ. Витрина уже залита свѣтомъ. На красномъ бархатѣ разнокалиберныя бутылочки, узкія — высокія, толстыя — низенькия. Вотъ желтая съ надписью — Солнцо.

— Какое странное слово! Жидкость совсѣмъ золотистая! Со хи пос... .

Дома сестра Лиза (только что вернулась со службы) тревожно замѣчаетъ:

— Я говорила тебѣ — не ходи.

Она укладываетъ Петра Михайловича, закрываетъ двумя одѣялами, сверху старой еще материинской шалью.

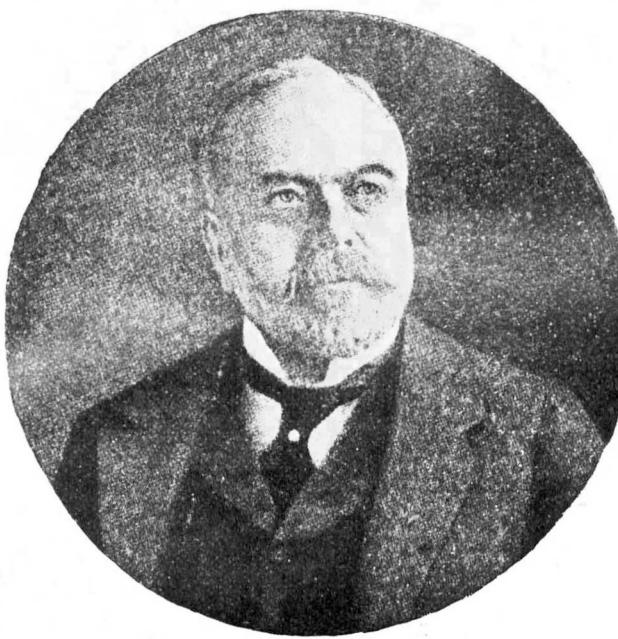
Куденцову смѣшно. Ему кажется, что теперь онъ похожъ на бабушку, древнюю клѣтчатую бабушку. Слышилъ отрывочные слова:

— Хины... Малина... Терпентинъ... Давно сказала.

И уже яснѣе:

— Петя, у тебя 35° жара!

— Ничего, Лизочка, ничего. Ты не волнуйся. Дай я тебя поцѣлую. Ты одна меня. Ты одна меня радуешь.

Рудольфъ Моссе,

популярный издатель газеты «Berliner Tageblatt».

Въ ознаменованіе своего 70-лѣтія Рудольфъ Моссе, щедрый издатель популярной газеты, пожертвовалъ 1 миллионъ марокъ, какъ капиталъ для вспомоществованія престарѣлымъ жителямъ Берлина. Городъ въ благодарность постановилъ назвать его именемъ одну изъ новыхъ улицъ. Это уже не первое пожертвованіе г. Моссе. Сотрудникамъ и служащимъ онъ далъ 300,000 марокъ.

† А. М. Лоранскій,

горный инженеръ, тайн. совѣтникъ, б. предсѣдатель Общества для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, членъ горнаго совѣта и горнаго ученаго комитета. Покойный занималъ въ горномъ институтѣ каѳедру горной статистики, и вся кипучая его дѣятельность раздѣлилась между горнымъ институтомъ и Обществомъ для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ, где А. М. состоялъ сначала секретаремъ, а затѣмъ предсѣдателемъ.

Доктора? Ну вотъ. Просто лихорадка. Завтра посмотримъ. Утро вечера мудренѣе.

Красноватый полумракъ. На тумбочкѣ рѣзко блеститъ какой-то пузырекъ съ рецептомъ. И очень тихо, очень тихо.

...Бухгалтеръ говорилъ 20567... „Математика вверхъ ногами“. И еще— 87429. Конечно, но я совсѣмъ не математикъ! Я не хочу быть математикомъ. Я люблю хаосъ!

Такая сѣрая жизнь. И каждый день у тебя одно и то же имя, и все одинаково. Почему? Нѣть, я не буду больше такъ жить.

Въ воскресенье приплыветъ громадный корабль „Номеръ тринацдцатый“. Я сяду съ Лизочкой и поѣду.

Мы будемъ въ Римѣ, мы будемъ осматривать картины, Ватиканъ, поѣдемъ у папы туфлю.

Сморщеный старикъ.

А море, Господи, нѣть ничего красивѣе моря! Восходы солнца и закаты, и все сверкаетъ, какъ риза священника. Шумитъ вода за кормой, тянется серебряная, пѣнистая дорожка. Не корабль, а самъ легионъ орломъ подъ золотымъ небомъ, и въ сердцѣ такое великое освобожденіе. Вѣдь, это ужасно, Лизочка, — ты слышишь — мы всѣ на цѣпь прикованы. На твоихъ тонкихъ рукахъ тоже тяжелая цѣпь. Всѣ въ каменныхъ клѣткахъ, а въ маленькое окно просовыvается отвратительная лысая голова съ плоскимъ лицомъ. И пустые глаза. Ты подумай, Лиза, глаза, которые смотрятъ одинаково на небо, и на собаку, на печную отдушину и на дѣвушку! И эта голова командуетъ!

Нѣть, Лизочка, это не бредъ. Именно сейчасъ я говорю правду.

Развѣ я математикъ? Я всегда мечталъ о красивой, яркой жизни, о долгихъ путешествіяхъ.

Новые земли. Узорные берега съ цветущими деревьями и, когда подплываешь, слышно, какъ поютъ странныя разнозѣтныя птицы. Идешь въ горы съ милемъ другомъ.

Высоко поднялись сиреневые вершины, а на нихъ солнце. Оно пливетъ, какъ золотая ладья по сиреневой рѣкѣ. На горномъ выступѣ подъ громадными деревьями сверкаетъ и балуется бѣлый, бѣлый ручей. Выбѣгаешь изъ камней и летишь куда то внизъ, сразу скрылся, а вонъ засверкаль опять среди зеленыхъ травъ. Такъ ясно, ясно, такое счастье.

Ты говоришь мнѣ — зачѣмъ намъ возвращаться въ городъ? Опять клѣтка, опять двухъярусный китайскій идолъ съ лысиной. Нѣть, нѣть, тамъ душно и скучно. Давай останемся здѣсь. Горы, деревья. Смотри, какой баловный ручеекъ! Тутъ мы и останемся. Останемся, Лиза.

Ты уже два года не отдохнешь. Мнѣ плакать хочется, когда я вижу твоё блѣдное лицо.

Ты заслуживаешь сказки. Не откаживайся. Это наше послѣднее счастье. Что мы скажемъ, Лиза, когда насы строго спросятъ: „Какъ вы прожили свою единственную жизнь?“ Правда, страшно? А насы спросятъ, непремѣнно спросятъ. Мнѣ кажется, когда отвѣтимъ, то кто то будетъ отчаянно плакать. Долго, долго...

Нѣтъ, ничего, мнѣ удобно. Только холодно. Я совсѣмъ замерзъ въ этомъ проклятомъ городѣ. Похоронилъ самого себя. Иногда охватываетъ такая острыя боль при видѣ знакомыхъ улицъ и площадей. Видишь ихъ въ тысячиный разъ, а между тѣмъ сколько есть очаровательныхъ мѣстъ, которыхъ никогда не видѣлъ.

Ты знаешь, есть Барселона. Говорятъ, это такой изумительный городъ, такой красивый, пестрый. Французское перемѣшалось съ испанскимъ, и много, много старини.

Старинная красавица мебель даже въ ресторанахъ. Зеркала съ позолотой и тяжелыя бархатныя портьеры. Изъ-за такой портьеры вдругъ выглядываетъ голубая маска. Голубая маска Біоты Скарфетти. Она первая красавица, у нея золотые волосы. Я былъ въ нее влюбленъ.

Что? Нѣтъ, нѣтъ, этого я никогда не читалъ, это правда. Ахъ, Лиза, какъ красиво я любилъ! Моя душа, моя мысль еще умѣли цвѣсти. И во все я тогда вѣрилъ, во все прекрасное, во все красивое.

Но мы разстались. Вѣдь, я такой маленький! Эта красавица и я! Миѣ прямъ хочется хохотать. Мое дѣло—20567! Понимаешь? Математикъ! Помощникъ бухгалтера, который завтра меня можетъ выгнать. Вотъ и вся всада и вся дерзость.

Ну что ты такая печальная? Зачѣмъ ты носишь такія темныя платья? Подожди, мы пойдемъ въ Барселону. Будутъ пѣть удивительные птицы. Мы увидимъ новыя чудеса. Вѣдь, такъ стыдно, Лиза, такъ преступно, — не увѣдѣть землю, на которой жилъ!

...Ты совсѣмъ заснула? Говоришь, что у меня бредъ третью ночь, что я совсѣмъ не сплю? Не мѣшай мнѣ, Лиза. Я давно уже не былъ такъ счастливъ.

Я весь легкій, легкій. Я уношуся, куда хочу. Все въ моей власти, и все я вижу. Боже мой, если бы всегда такой чистой, прозрачной и красивой была моя мысль!

Нѣтъ, это не бредъ. Миѣ кажется, что насы двое.

Одинъ уносится далеко, далеко, къ самому небу, говоритъ необычайныя слова и видитъ чудеса, а другой лежитъ на своихъ подушкахъ и все видитъ, все учитьаетъ и сознаетъ.

Първый геніаленъ, ослѣпителенъ,—второй обычный, какъ цифры, второй ползетъ, какъ гусеница и никакихъ чудес не видитъ.

Ну вотъ, значитъ, есть равновѣсие. Значитъ, нѣтъ бреда.

Нѣтъ, я не засну. Не хочу. Я никогда еще не былъ такъ счастливъ! Что? Ну хорошо, я тебѣ расскажу.

Cohinoog... Ты его не знаешь? Это очень старый, высокий и худой индусъ. Пѣдъ пестрой чалмой сѣро-длинное лицо, сжатыя коричневыя губы и глубокіе черные глаза. Напротивъ, не пустые, но болгы, какъ міръ. Кажется, весь міръ отразился въ нихъ, словно въ черномъ зеркальѣ, и отражение осталось неподвижнымъ во вѣковъ.

Ты понимаешь, Лиза,—весь міръ, во вѣковъ.

ПОСЛѢ СДАЧИ СКУТАРИ.

Знамена и ключи турецкой крѣпости вручаются королю Николаю.

Cohinoog... Нѣтъ, я не засну. Я не хочу спать. Я очень счастливъ!

Ну вотъ, когда я совсѣмъ погибъ, задыхался и падалъ, ко мнѣ пришелъ Cohinoog. Онъ всегда приходитъ въ такую минуту.

На немъ было желтое платье и чалма желтая съ краснымъ.

Онъ сѣлъ рядомъ.

Длинный, длинный, похожій на тѣнь отъ лампы.

Знаешь, онъ ничего не сказалъ сначала. Онь началъ хохотать. О, никогда я не слышалъ такого смѣха! Рѣзкій,

Въ первой парѣ сама королева Милена подъ руку ведетъ раненаго подъ Скутари солдата, за нею слѣдуютъ дочери короля и придворные.

отрывистый, немногого похожій на рыданіе.

— Чего ты смѣешься? — спросилъ я.

Огвѣтилъ тихо, а губы сдавались неподвижными:

— Надѣй тобой я смѣюсь.

— Я жалкій. Я не смѣшной.

— Нѣтъ, смѣшной.

И снова тѣкъ ужасно расхохотался надо мнѣ Cohinoog.

Сказалъ:

— Когда человѣкъ безнадеженъ—его можно лечить слезами, но когда еще горитъ его мысль, когда улавливается руки еще могутъ подняться для уда-

ра,—о, тогда человѣкъ нужно лечить смѣхомъ!

— Ты мудрый! — воскликнулъ я.— Я чувствую, что твои глаза все видятъ. Они сверлятъ мой мозгъ. Но тогда объясни мнѣ свой смѣхъ. Открой мнѣ меня самого. Дай мнѣ настоящую жизнь.

Cohinoog покачалъ головой, и выраженіе жгучей печали пропадъ я на его лицѣ.

— Слушай, — сказалъ онъ. — Моя жизнь такая давняя, давняя. Она походитъ на дорогу, которая безконечно убѣгає впередъ. Проходить путники скрываются; проносятся птицы и таятъ въ воздухѣ, а дорога остаєтся все та же, одинаковая и неизменная. И вотъ, было время, когда я зналъ совсѣмъ другіхъ, свѣтлыхъ людей. Я такъ любилъ тогда человѣка! Онъ былъ красивый, сильный и честный. Честный, потому что цѣнилъ свою душу, потому что не убивалъ самого себя. Это самый великий грѣхъ. Кто убиваетъ себя, тотъ убьетъ и другого. Его душа была свободна.

Солнечный свѣтъ лежалъ на лицѣ человѣка. молодость была въ его походкѣ, въ его пѣснѣ, въ его крикѣ. Его душа была свободна.

Такой онъ былъ въ добрѣ и злѣ, въ любви и ненависти, въ гиблѣ и восторгѣ, проклятияхъ и молитвѣ.

И я любилъ его даже въ дерзости, въ страсти, даже въ преступлении.

Но потомъ онъ терялся и терялся, какъ свѣтъ въ туманѣ. На мѣсто хаоса стала желѣзный четыреугольникъ, на мѣсто страсти—гаденье, боязливое волненіе. И стала человѣкъ совсѣмъ ручнымъ, дряблымъ, маленькимъ и ничтожнымъ. И всду, куда обращались мои глаза, я видѣлъ только безкровное себѣубийство. Тогда впервые моя жизнь—долгая долгая дорога—показалась мнѣ ужаснымъ про克莱емъ рока.

Онъ замолкъ. Его глаза стали совсѣмъ черными и непроницаемыми.

Тихо спросилъ:

— Развѣ тебя не любила прекрасная дѣвушка? И развѣ ты не любилъ ее? Что же вы слѣдили съ вашей любовью? А твоя мысль, а твоя душа?

И снова засмѣялся Cohinoog, но уже совсѣмъ тихо и жалобно.

Онъ ушелъ, словно тѣнь лампы сбѣжалась съ края моей постели.

— Лиза, Лиза! — Я все понялъ. Я понялъ жизнь, Я сумѣю отвѣтить за нее! Будетъ другое, другое. Лучше разобъемъ свои груди!

Но оставь, оставь, — не нужно никакого компресса! Вы хотите убить мой жаръ, убить мое единственное счастье. Оставь, — умоляю тебя!

Когда черезъ мѣсяцъ послѣ болѣзни Петра Михайловичъ впервые услышалъ твои слова, къ нему подошелъ старший бухгалтеръ.

— Ну вотъ, прекрасно,—сказалъ онъ своимъ сухимъ, вялымъ голосомъ,— а мы уже думали вѣдь замѣнить... Дѣло не терпитъ, сами знаете.

— Ну вотъ, теперь я чувствую себя совсѣмъ хорошо,—робко замѣтилъ Куденцовъ и склонился къ книжѣ.

— Такъ. Вы выглядите совсѣмъ хорошо.

Дома за обѣдомъ, сестра спросила:

— Ты не усталъ? Немного блѣдень.

— Глупости. Прекрасно себя чувствую.

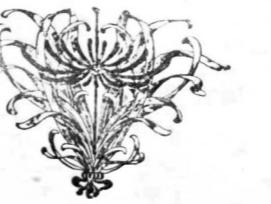
— Слава Богу, но я до сихъ поръ не могу вспомнить спокойно твоего бреда. Такой жаръ, откашивался отъ лекарства, срывалъ компрессъ. Ужасно. Говорилъ о Барселонѣ, о какомъ то кораблѣ, Кохинорѣ и дѣвушкѣ въ голубой маскѣ. Страшно вспоминать. Что-то особенное было въ твоихъ словахъ. Иногда даже казалось, что это бредъ, а...

Куденцовъ рѣзко перебилъ.

— И лучше не вспоминай. Глупости. Женщина никогда не можетъ освободиться отъ нелѣвой сантиментальности.

Онъ всталъ и пошелъ въ свою комнату спать.

Ал. Станкевичъ.

Церковь св. Екатерины, сожженная суффражистками.

РѢЗЪ ОТВѢТА.

Одиноко идешь по дорогѣ, Впереди—только сырый туманъ. А въ душѣ много скрытой тревоги, Много ранъ...

Почему жъ не утихи тревоги, И безрадостнѣ узкій твой путь? Гнутся съ болью усталыя ноги, Ноетъ грудь?

А возможностей было немало, Не пугала зовущая даль... Что жъ съ возможностью этою стало? Силы, сгубленной даромъ, мнѣ жаль!

А горячія силы, вѣдь, были; На какое же дѣло ушли?

Развѣ прежнія чувства сстыли,

Или выхода въ жизнь не нашли?

Или мелкою мѣдной монетой Размѣнялся червонецъ души? Или въ жизни ты шла непрігрѣтой, Оставаясь забытой въ глухи?

Но напрасно хочу я отвѣтъ,— Ты играешь, смѣешься, поешь; Пѣсни, видно, твоя не допѣта, Но отвѣта ты въ ней не даешь!

И туманно скучной дорогой, То тоскуя, то громко смѣясь, Ты проходишь съ глубокой тревогой, Ни со мной, ни съ другимъ не дѣлясь.

Одноко будешь ты вѣчно, Хочешь сильно вѣмъ сердцемъ любить, Но смѣешься, играя безпечно, Чтобы муки души заглушить...

Ольга Малиновская.

СМѢСЬ.

Самосвѣтящійся автомобиль.

Послѣднее слово въ дѣлѣ окрашивания автомобилей сказано А-гліей. Одна изъ самыхъ большихъ автомобилевыхъ фирмъ только что выпустила, по словамъ «Природы», новую краску для автомобилей, названную «Lumino Aluminium Paint», и было установлено, что блескъ этой краски въ темную ночь такъ ярокъ, что автомобиль виденъ за мили безъ всякихъ лампъ. Народъ

по дорогѣ близъ фабрики, где производились опыты, въ первые дни былъ перепуганъ до смерти видомъ страннѣй образомъ пылающаго автомобиля, тихо и безшумно катящагося по деревнѣ.

Растеніе—компасъ.

Этимъ именемъ американскіе и нѣмецкіе ботаники называютъ особыя растенія, листья которыхъ сами собою располагаются приблизительно по направлению меридіана. Самое известное изъ нихъ, растущее въ лугахъ Дальн资料 Zapada, Silphium laciniatum достигаетъ высоты трехъ метровъ и въ общежитіи называется «растеніе-компасъ». Молодые экземпляры этого растенія ориентируются наибольше точнымъ образомъ; прикорневые листья поворачиваются наружной стороной къ западу и востоку, а слѣдовательно вершинами своими къ сѣверу и югу. Съ давнихъ временъ охотники прерѣй пользуются этимъ для того, чтобы узнать направление при пасмурномъ небѣ.

Въ Европѣ это интересное свойство наблюдается у дикаго салата (*Lactuca sativa*), и удивительно, что оно раньше не привлекло къ себѣ вниманія, хотя и замѣчили параллельное расположение вертикальныхъ поверхностей малочисленныхъ листьевъ этого растенія. Нѣмецкій ученый Сталь недавно опубликовалъ интересное описание этого растенія, въ которомъ онъ объясняетъ физиологическія причины расположения листьевъ по направлению меридіана.

По его мнѣнию, это явление можно объяснить тѣмъ, что растеніе, чтобы обезпечить свое существование и размноженіе, должно пользоваться возможно дольше солнечнымъ освещеніемъ—избѣгая въ то же время слишкомъ сильного его дѣянія; отсутствие же гибкости въ стебляхъ этого растенія не даетъ ему возможности достичь этого путемъ постоянного поворачивания листьевъ, какъ это дѣлаютъ многи другія, такъ называемыя свѣтолюбивыя (гелотропическая) растенія.

Извѣстны также, по словамъ «Природы», некоторые деревья, такъ, напримеръ эвкаліптъ, листья которого расположены въ вертикальной плоскости, чтобы избѣжать слишкомъ сильного дѣянія солнечныхъ лучей и предохранять поверхность листьевъ отъ слишкомъ быстрого испаренія.

Такое расположение листьевъ въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакой связи со странами свѣта.

Подводные сани.

Благодаря послѣднимъ усовершенствованіямъ въ водолазномъ костюмѣ, водолазъ теперь можетъ находиться подъ водой довольно значительное время. Затѣмъ воздухъ или аппаратъ-регенераторъ, который водолазъ несетъ съ собой, дѣлаетъ послѣднѣго совершенно независимымъ отъ надводного міра. Теперь оставалось лишь снабдить водолаза автомобилемъ, чтобы значительно расширить радиусъ его дѣянія подъ водой.

дой. Этой именно цѣли отвѣчаютъ подъ водяныя сани, построеныя недавно одной фабрикой въ городѣ Любекѣ.

Сани привязаны къ лодкѣ-автомобилю, которая можетъ развивать значительную скорость. Водолазъ, удобно сидящій на саняхъ, соскальзываетъ съ лодки съ своими санями посредствомъ особаго механизма. На длинныхъ полозьяхъ саней, загнутыхъ спереди дугообразно и скрѣпленныхъ дугой въ формѣ эллипса, расположено сидѣніе водолаза, защищенное ширмами, а съ каждой стороны его находятся резервуары, наполненные сжатымъ воздухомъ. Спереди находится руль глубины, а сзади горизонтальный руль, ручки отъ которыхъ находятся спереди.

Наполненіе воздухомъ резервуаровъ и опорожненіе ихъ производится посредствомъ крановъ. Когда резервуары наполнены сжатымъ воздухомъ, сани плаваютъ въ верхнихъ слояхъ воды свободно. Чтобы погрузиться подъ воду, водолазъ выпускаетъ воздухъ изъ резервуаровъ или поворачиваетъ руль глубины. Саны опускаются въ глубину безъ всякаго толчка и немедленно поднимаются кверху на поверхность воды, какъ только сжатый воздухъ опять войдетъ въ резервуары, или какъ только повернуть руль глубины въ соотвѣтствующемъ направлениіи.

Продолжительность пребыванія подъ водой ограничена дѣйствіемъ аппарата-регенератора. Продолжительность же дѣйствія этого регенератора, въ которомъ находится вещество, способное поглощать выдыхаемую водолазомъ угольную кислоту, приблизительно около 3 часовъ. По прошествію этого времени водолазъ долженъ подняться на поверхность воды и возобновить свой регенераторъ.

Быстрый ходъ саней, прикрѣпленныхъ къ лодкѣ-автомобилю, не причиняетъ водолазу какого либо неудобства, какого можно было бы ожидать вслѣдствіе давленія подводныхъ течений, такъ какъ противъ нихъ водолаза защищаются ширмы, помѣщенные позади сидѣнія водолаза. Въ полдень можно путешествовать на глубинѣ 40 метровъ безъ какого-либо специальнаго освѣщенія; въ другихъ же случаяхъ водолазъ снабжается подводной лампой, или же на саняхъ помѣщаются прожекторы, приводимые въ дѣйствіе электричествомъ по проволокѣ съ лодки-автомобиля.

Вмѣстѣ съ этимъ изобрѣтеніемъ, говорить „Природа“, появится новый видъ спорта: подводные прогулки.

„ДЕНЬ РОМАШКИ“ ВЪ ХАРЬКОВѢ, 4 МАЯ.

Снимки фото-склада „Амфолій Вернер“.

